

Юрий Шамурин
Зинаида Шамурина

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ
ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА
ЛАВРА

Москва
Научный мир
2012

УДК 908
ББК 26.89
Ш19

Шамурин Ю., Шамурина З.

Ш19 РОСТОВ ВЕЛИКИЙ. ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА. –
М.: Научный мир, 2012. – 112 с., 28 с. вкл.

ISBN 978-5-91522-305-8

Перед вами книга, которая представляет собой переиздание вышедшей в 1913 году в серии «Культурные сокровища России» книги «Ростов Великий. Троице-Сергиева Лавра». Ее авторы – известные русские историки искусства, брат и сестра Юрий и Зинаида Шамурины – были инициаторами многих изданий по истории культуры России. В числе этих изданий знаменитые выпуски упомянутой серии, посвященные наиболее выдающимся русским архитектурным ансамблям, как городским, так и церковно-монастырским и усадебным.

Настоящая книга содержит сведения об истории Ростова, о его кремле, музее, храмах, монастырях. Кроме историко-художественного очерка Ю. Шамурина о Ростове Великом, издание включает прекрасное описание Троице-Сергиевой Лавры, написанное З. Шамуриной.

Современному читателю будет интересно познакомиться с тем, как выглядели описанные авторами памятники сто лет назад. И, может быть, более важно то, что есть возможность ощутить, каким было мировосприятие, отношение к природе, культуре, истории у людей той, уже далекой от нас эпохи.

Книга предназначена для всех, кто интересуется историей России и историей ее культуры.

ISBN 978-5-91522-305-8

© Научный мир, 2012

РОСТОВ ВЕЛИКИЙ

Ю. Шамурин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская культура не богата материальными памятниками. Тревожное прошлое способствовало разрушению всего накопившегося веками. Опустошительные пожары уничтожили больше, чем вражеские набеги и междоусобия. Даже от XVII века осталось так мало, что может казаться — не было в эту эпоху никакой цельной и развитой культуры. На эту историческую судьбу России хочется горько сетовать: ведь все дурное и будничное сохраняется для потомства в архивных делах, юридических актах, в описаниях путешественников, поверхностных, и чаще всего враждебных наблюдателей. Но самое сокровенное и святое, что открывает душа только через художественное творчество, уничтожалось бесследно. И отсюда являются основания для утверждения, что этого хорошего, положительного, творческого и не было вовсе, что прошлое Руси — это сумбурная дикость, вечные бестолковые ссоры и войны, грязь, тупость и кровь, кровь без конца...

Нет более плодотворной задачи для исследователей прошлого, как извлечение этих крупинки национальной

красоты и мудрости из-под развалин прошлого. Они помогают, выделив все наносное и случайное, установить основную, стихийную линию нашей культуры, ту отвлеченную формулу, которая объединит и XVII век, и XVIII, и XIX, и наше время...

Самым мощным орудием в отыскании этой формулы должно быть художественное творчество. За его пестрыми и разнообразными формами нужно суметь вычитать откровение души. Это тем легче сделать, что древнерусское творчество, почти целиком отданное церкви, служило религиозным ценностям и тем самым открывало самые сокровенные стороны человеческой души...

Московские памятники XVII века, очень богатые в архитектурном отношении, дают мало материала для изучения эпохи. В Москве, при царском дворе, открытом для всевозможных веяний, замутнена самобытность народного творчества, нет той бессознательности, которая отличает искусство зодчих и изографов XVII века, творивших по традиции, по указке церкви и вековой мудрости. Наконец, в Москве с ее тревожной историей и благочестием, по странной иронии судьбы у нас в России главным врагом древности, нет почти ни одного церковного памятника, сохранившего вполне неприкосновенным свой облик...

Счастливей в этом отношении Ярославль, хранящий несколько изумительных церквей, одинаково ценных как в отношении архитектуры, так и стенописи, но самое ценное наследство XVII века хранит Ростов Великий в своем кремле, в своих бесчисленных монастырях.

Таких памятников XVII века нет в России. Ростовский кремль — это храм-крепость, колоссальный монастырь, вмещающий около десяти церквей, соединенных переходами, башни, ворота, стены, палаты. Все это художественно обработано и украшено. Исчерпать архитектурные мотивы Ростовского кремля можно в нескольких толстых фойянтах. Еще больше материала находится здесь по стенной

живописи, которой украшены все кремлевские церкви. Уже само сооружение кремля – целого города, посвященного Богу, строившегося несколько десятилетий, является крупным историческим фактом. Многочисленные же росписи и характер их изображений дают превосходную картину древнерусского творчества.

«Ехал черт в Ростов, да испугался крестов!» – гласит старая народная поговорка. В ней верно подмечена главная черта Ростова, и теперь еще это город крестов...

В центре города высится кремль, украшенный несколькими десятками церковных глав, издали вырисовывающийся ажурной сетью крестов и вышек. Много церквей, правда, не представляющих большого художественного интереса, на чистеньких улицах города. По окраинам города – монастыри, богато обстроенные преимущественно в XVII веке, красивые, тихие, отлично уберегшие свой монастырский покой от вторжения современности. Каждый монастырь Ростова – живой отзвук XVII века, отличный музей его искусства.

Ростов окружен полями, с юга к нему примыкает озеро Неро, и с его окраин открываются широкие горизонты равнин, воды, далеких деревень. Всюду на зелени полей белеют монастыри и старые церкви...

Эти монастыри, примыкающие к Ростову, дополняют те представления о творчестве XVII века, которые дает кремль. Только дополняют, потому что основное, незаменимое ядро – кремлевские церкви и палаты!

Один из древнейших городов русских, когда-то равный славой и богатством Новгороду и Киеву, цветущий центр мысли и культуры в те века, когда еще не существовала Москва, Ростов Великий теперь – тихий уездный город Ярославской губернии, промышленяющийся огородничеством, выделкой цикория и махорки...

Вся Ярославская губерния, даже из окна поезда, производит сравнительно с центральной Россией впечатление

зажиточности и культурности. Много лесов и лугов, все время мелькают церкви, деревни с железными крышами. Станции чисты, нет убогих коричневых зипунов и лаптей.

В лицах господствует один, ярко выраженный, великорусский тип: большие русые бороды, светлые глаза, высокий рост. Степенный местный говор на «о» дополняет впечатление чего-то самобытного и крепкого.

И Ростов, небольшой уездный город, поддерживает «европейскую» репутацию Ярославской губернии. Улица, тянувшаяся от вокзала, с деревянным тротуаром, усеяна веселыми разноцветными и яркими домами с резьбой, с разными архитектурными «прикладами». В городе тихо, мирно, много зелени. Нет беспробудного пьянства столицы, нет озлобленных лиц и ругани. Какая-то монастырская или древнерусская степенность царит в городе. Сразу о старине ничто не говорит. Попадаются белые церкви обычного ярославского типа с большими чешуйчатыми главами на узких шейках, однако хранящие искажающие наслоения XVIII и XIX веков...

Совершенно неуловимые черты сближают древние памятники ярославских городов с их теперешней жизнью. Остатки старины стоят на площадях и улицах, как прочный фундамент той жизни, что шумит теперь кругом них. Здесь не чувствуется разрыва между прошлым и настоящим, и это впечатление глубокой почвенности жизни и культуры придает памятникам старины особое серьезное значение, выдвигает их как нужную и важную сторону жизни. В русских городах крайне редко приходится чувствовать эту связь истории и современности, и нигде не чувствуется она так сильно, очевидно и упорно, как в Ростове!

Центральная, древняя часть города, заключающая в себе кремль, отделена от пригородов широкой полосой луга. На нем заметна небольшая насыпь, мирно заросшая травой: то остатки земляного вала, окружавшего весь го-

род, насыпанного в 1630-х годах. По сообщению летописи «в 140 (1632) году в Ростове начали делать город земляной тремя городами: Ростовом, Кинешмой, Пошехонью; а работников было пеших 1000, да конных 100; а землю на огород возили тележками на одном колесе, а конные телеги были деланы на двуколесах, ящики на ветлугах; а мастера были немцы, а делали три лета...»¹.

В центре города тянутся бесконечные аркады торговых рядов. Над ними высятся многочисленные серебристые главы Успенского собора, его звонницы, прочих кремлевских церквей, и наконец, показываются стены и башни кремля, выкрашенные в лиловато-розовую краску. Глаз долго не мирится с этим необычным тоном; хочется белого, «белокаменного» кремля, дающего такой пленительный контраст с голубым небом, с зеленью травы...

Издали кремль представляется сказочным древнерусским городом, тесно сплоченным, усеянным острыми верхами башен и бессчетными куполами. Несколько десятков куполов поднимается над розовыми стенами и сливает разрозненные части кремля в одну архитектурную мелодию. Такой вид Ростовского кремля не случаен: каждый древнерусский город должен был представлять такую же картину – компактную массу стен, ворот, башен, палат, увенчанную обильными куполами. Таков должен был быть и Московский Кремль до Троицкого пожара 1737 года, и отчасти до «расчистки» его П.С. Валуевым в начале XIX века. Современная эстетика и практические потребности заставили старые части всех живых доныне древнерусских городов изменить свой облик, сделав его более планомерным, менее тесным, менее компактным. Только Казанский кремль издали дает впечатление старинного «града»...

Ростов же, не привлекавший ничего внимания в XIX веке, затихший с уничтожением в нем митрополичьей ка-

¹ А.А. Титов. Описание Ростова Великого. М., 1891.

федры, остался таким древним «градом». Ряд деревянных домиков отделяет кремль от большого ростовского озера Неро. Сонное, серое, поросшее камышом и словно ветхое, оно отражает в своем мутном зеркале розовые стены кремля. И отъехав на лодке на несколько десятков саженей, чтобы утратить все незначительные детали современной жизни, чувствуешь себя магически перенесенным в дальние века, когда по берегам Волги, Волхова, Великой высились такие же города-монастыри...

ИСТОРИЯ РОСТОВА

О начале Ростова молчат не только летописи, но нет и устных преданий, легенд, которые так цветисто и поэтично украшают первые темные века существования древних русских городов...

Основание города относится к незапамятной древности, более ранней, чем народные легенды и сказания. Ростов – одно из древнейших поселений славян среди финского племени меря, обитавшего в северном Поволжье. Ростов, несомненно, основан новгородцами, сохранившими в новом городе тесную связь с метрополией, как в области обычаев, так и порядков.

Те легенды о начале Ростова, которые дошли до нас, носят отпечаток позднейшего сочинительства; по мнению Д.А. Корсакова¹, их создали составители временников XVII века, большие мастера на вымышленную генеалогию, рискованные заключения, и подчас склонные к фантазии. По этим сказаниям основателем Ростова был Росс, история которого весьма напоминает киевское предание о Кие, Щеке и Хориве.

Выбор места для Ростова вполне в обычаях новгородских насельников. Стратегические и экономические побуждения обычно совпадали для колонизаторов Поволжья. Ростовское озеро соединено речкой Которослью с Волгой, причем при устье ее был срублен город Ярославль, являвшийся как бы форпостом Ростова. По берегам озера Неро возникает несколько, частью еще мерянских, поселений и центром их становится Ростов.

¹ Д.А. Корсаков. Меря и Ростовское княжество. 1872.

В Ростове прочно укрепился вечевой строй. Княжеская власть почти так же ограничена, как и в Новгороде. Сильное земское боярство господствовало на вече и парализовало княжеское самодержавие. Владимирский и ростовский летописцы, хотя и с разных точек зрения, указывают на зависимость князя от бояр, на вынужденную «ласковость» князей.

Первоначальное насаждение христианской культуры в Ростове произведено киевскими пришельцами. Предания сильно разноречат относительно первых насадителей христианства. По одним преданиям Владимир после крещения отправился в Суздальскую землю с двумя епископами, по другим – из Новгорода пришел в Ростов киевский митрополит Михаил с 4 епископами, но оба показания сходятся в том, что пришедшие в Ростов епископы были присланы из Византии патриархом Фотием...

Апостолы христианства приносили с собой зачатки новой культуры: «иде по русской земли и учаше всех веровать в единого Бога в Троице славимаго и науча и наказуя благоразумно и благочестно многих, и крести без числа людей, и многие церкви воздвиже, и пресвитеры и диаконы постави, и клиросы устрои и уставы благочестно устави»... Первая пропаганда христианства в Ростове была неудачна. Греки епископы – Феодор и Илларион – «избегоша, нетерпяще неверия и досаждения людей»...

В X веке летописные известия молчат о Ростове. Ростов, как и вся Суздальская земля, не принимал участия в политической жизни страны и не вызывал внимания князей. Летопись Нестора под 988 годом отмечает, что Ростов достался сыну Владимира – Ярославу, скоро покинувшему его ради Новгорода. Ростов мало привлекал князей, затерянный среди лесов, вдали от широких политических путей, и они посещали его только наездами.

С XI века Ростов начинает быстро усиливаться, богатеть и приобретать политическое значение. При князе Юрии он уже носит наименование Великого, хотя князья

по-прежнему не живут в Ростове, предпочитая ему Новгород, Владимир, позднее Суздаль.

Именуемый уже в XII веке «Великим», Ростов должен был пространством и населенностью не уступать тогдашним столицам Руси – Киеву и Новгороду. В житии Исидора Твердислова, ростовского святого XV века, Ростов назван «славный и многонародный град». В житии св. Игнатия, ростовского епископа XIII века, сказано, что на погребение его «стечеся весь град Ростов, множество безчисленнаго народа».

Кажется странным, что при таком многолюдстве и богатстве Ростова князья не стремятся обращать его в свою резиденцию. По отрывочным намекам, заключенным в летописях, можно думать, что уже самое «величие» Ростова, интенсивный и свободный ход его жизни смущал князей. Ростовские бояре издавна славились своим «буйством», горожане же представляли активную, легко воспламеняющуюся массу; бунты, изгнания и даже убийства неугодных лиц, вплоть до епископов, не были редкостью в истории Ростова...

Таким образом, Ростов не был ареной княжеских междоусобий и вражеских набегов. Здесь, в отдалении от шумных княжеских дворов и походов, накапливалась христианская культура, строились церкви, ширилась образованность. Ростовские монахи издавна славились своей образованностью, монастыри – своими библиотеками. Многочисленные православные деятели и апостолы русского христианства вышли из Ростова. В XI веке здесь уже были церкви; «чюдна зело и преудивленна, якоже не была и не вемы будет ли», говорит летописец об Успенском соборе. Этот собор имел для Ростова такое же значение, как святая София для Киева и Новгорода.

В XI веке ростовские епископы уже развертывают энергичную проповедническую деятельность, то укрепляя христианство в среде непокорных и неустойчивых ростов-

цев, то проповедуя его по окрестным землям. Настойчивый проповедник епископ Леонтий, который «из царского града, яко солнце граду Ростову возсиял», был изгнан ростовцами из города, а в 1073 году был убит ими. Его преемник Исая, опять-таки прибывший из Киева, не искоренил язычества даже в самом городе Ростове. В самом городе существовал «чюдский конец, единаче поклоняшеся идолу каменну, омраченни бо суть сердца их бесовским деянием». Современнику Исаяи Аврааму, основателю Богоявленского монастыря, пришлось много сил потратить на борьбу с этим «чюдским концом», по преданию поклонявшимся идолу Велесу.

Ростов был городом мира. В те века, когда летописи представляются сплошным синодиком междоусобиц, набегов и разрушений, Ростов упоминается мало, реже всех прочих городов Суздальской земли. Только в 1135 году возникли споры между князьями, и 13 января 1135 года «на Жданой горе» произошла битва новгородцев с ростовцами, причем новгородцы «были посрамлены», а ростовцы возвратились «с победою великою»...

При Андрее Боголюбском Ростов получил значение религиозного центра Суздальской земли. Во время пожара 1160 года сгорел собор, и при его разрушении были найдены мощи епископов Леонтия и Исаяи. Для Суздальской земли и ее князя наступило великое торжество: теперь его земля сравнялась с прочими русскими религиозными центрами, обладавшими святителями и мощами. Несмотря на такое преимущество Ростова, Андрей Боголюбский избрал своей резиденцией Владимир, а позднее основанный им самим город Боголюбов.

Единственным князем, полюбившим Ростов, был Константин, сын Всеволода. В 1212 году отец его «нача изнемогати» и хотел дать сыну «великое княжение Владимирское», но тот отказался, ответив отцу: «Отче чюдный и любезной, не возбраня на мя худого, яко не хошу просить

у тебя, аще даси ми тако, понеже много возлюби мя еси, и старейшаго мя сына имаши, и старейшину мя хочещи устроить, то даждь ми старый, начальный град Ростов, и к нему Володимир; аще ми не хочет твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимир и к нему Ростов. Не призри моления моего, отче, аще угодно ти есть»...

Ростов был отдан Константину отцом в 1207 году вместе с Ярославлем, Белоозером, Устюгом Великим, Угличе-полем и Костромой. Всеволод не исполнил просьбы сына и назначил наследником Юрия. Но Константин «воздвиже брови своя гневом на князя Юрия, брата своего»... Тогда Ростово-Суздальская земля разделилась на два самостоятельных княжения. Юрий сел во Владимире и Суздале, Константину достались Ростов и Ярославль.

Летописи оставили нам достаточно сведений, чтобы судить о характере князя Константина. Он рисуется ученым, кротким и добродетельным; он любит свой святой город и после пожара, поглотившего почти весь Ростов, заботится, прежде всего, о восстановлении храмов. Очень интересную параллель проводит Д.А. Корсаков между Константином и Владимиром Мономахом, между двумя типами древнерусских князей – тружеником и воителем.

«Константин по природе своей князь “мира”, – он натура далеко не воинственная. Мономах наоборот: он как истинный представитель юга – князь воин. Сравните так называемое «Поучение Владимира Мономаха» с наставлениями детям перед смертью Константина Всеволодовича. Какое различие в понимании «идеала князя», которое рисует вам тот и другой, какое различие в понимании своего служения земле у того и другого! Мономах, прошедший свою многотрудную жизнь в постоянных боях и усобицах с иноплеменными князьями, призывает на детей своих мир, любовь и советует им жить между собой дружно; но храбрость и умение вести войну ставит первым условием для «добраго князя», и охоту почитает самым приличным

для него развлечением. Константин в наставлении своим детям, прежде всего, указывает на «мир», «спокойствие». «Бог мира да будет с вами», – говорит он им и затем указывает на дела милосердия, благочестия и на книжное поучение, как на главнейшие обязанности и заботы князя. Нигде ни слова о войне, о доспехе, о «деле ратном», о «забаве»².

В таком различии характеров и мировоззрений князей сказалась не только индивидуальная разница, не только влияние протекших между поучением Мономаха и наставлениями Константина веков. В душе Константина есть что-то глубоко родственное той стихии любви и кротости, которую несло христианство и которой отмечены дальние века истории Ростова. Такой же характер, такие же мысли мы наблюдаем и у позднейших ростовских князей. Таков же был и князь Василько, сын Константина, убитый в 1227 году в битве с татарами на реке Сити. «Бе же князь Василько лицом красен, очима светел и грозен, храбр паче меры на ловех, сердцем легок, до бояр ласков; ... мужество же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста, бе бо всему хитр и гораздо умея...»

От XI и XII веков в Ростове остались только летописные сказания. Однако их достаточно, чтобы утверждать, что в эти глухие века здесь уже была своя, прочно внедрившаяся, развитая культура, своя религия, свои нравственные идеалы, своя философия. Учесть художественный уровень Ростова в эти века за отсутствием каких бы то ни было вещественных памятников невозможно, но судя по другим местам суздальской земли, где сохранились церкви XI и XII веков, там процветало зрелое и своеобразное искусство. Роскошные храмы Ростова, сооруженные в это время, должны были близко подходить к церквям Владимира и Суздаля, поставленным Андреем Боголюбским и его преемниками...

² Д.А. Корсаков. Меря и Ростовское княжество. 1872.

В Ростове развита была письменность; в монастырях, особенно Григорьевском «Затворе», славились ученостью монахи, владевшие греческим и латинским языком; отсюда выходили на всю Русь религиозные проповедники. Из Ростова вышел Стефан Пермский, просветитель зырян. Григорьевский монастырь, от которого сохранилась теперь только построенная в XVII веке церковь Григория Богослова к югу от кремля, в XIII веке являлся просветительским центром для всей Северо-Восточной Руси. Монастырь был гнездом греческой культуры, и его ученые монахи славились знанием многих языков, в особенности греческого. Здесь были обширные библиотеки. «Яко книги многы быша ту...», велась летопись, переводились и переписывались «Жития» и полемические сочинения. Однако вещественных памятников этой деятельности уцелело очень мало. Между прочим, в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры сохранилась пергаментная рукопись «Житие Нифонта», переписанная, а может быть, и переведенная с греческого, в Ростове.

Но в 1237 году на эту культурную область налетели монголы. «Несть места, ни веси, ни сел тацех редко, – говорит Владимирский летописец, – иде же не воеваша на Суждальской земли... Сотворися великое зло Суждальской земли; яко же зло не было ни от крещения, яко же бысть ныне ...» После кровавой битвы при Сити, всю землю суждальскую «плениша» татары, замучили ростовского князя Василька. Это событие увековечено в «Сказании о кончине Василька». Тело князя было найдено в Шеренском лесу и принесено в Ростов. Встречая печальную процессию с телом князя, ростовский народ «жалостныя слезы испущающы, оставше такого утешения...»

В XIV веке кончается политическая самостоятельность Ростова; он переходит под власть Москвы. В 1330 году прибывает в Ростов наместник московского князя боярин Василий Кочева. Жестокими мерами, неведомыми в тихом

и вольном Ростове, оставляет он по себе кровавую память. «Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князьям его, яко отъяся от них власть и имение, и честь, и слава, и потянуша к Москве...» – говорит повесть о Сергии Радонежском. «И изыде повеление великаго князя Ивана Данииловича, и послан бысть от Москвы на Ростов, аки некий воевода, один от вельмож, именем Василий, прозвище ему Кочева, и с ним Миняй. Егда внидоста во град Ростов, тогда возложиста велику нужу на град, да и на вся живущая в нем, и не мало от ростовцев москвичем имения своя с нужею отдаваху, а сами противу того на телеси своем со укоризною взимающе: толико дерзновения на Ростовом содеяше, яко и епарха градскаго, старейшаго боярина, именем Аверкия, стремглав обесиша и возложиша на ня руки своя, и оставиша поругана, точию жива, и бысть страх велий на всех слышащих сия, не токмо во граде Ростове, но и во всех пределах его и в волостях и в селех...»³.

При княжении Дмитрия Донского Ростовское княжество вместе с Ярославлем и Белоозером окончательно входит в состав Великого княжества Московского. Ростовские князья становятся в одинаковое положение со служилыми чинами боярскими при московском князе.

«Земское значение Ростова, уменьшаясь постепенно в течение XIII века, в XIV уничтожается окончательно. Старшие сыновья князей не стремятся уже более занять непременно стол Ростовский, а предпочитают какой-нибудь незначительный город, вроде Углече-Поле, этому некогда «старейшему» городу, из-за которого родоначальник ростовских князей Константин Всеволодович поссорился со своим отцом Всеволодом, «миродержцем Суздальской земли», вступив в открытую вражду с братом Юрием»⁴.

Утратив свою политическую самостоятельность, Ростов продолжает оставаться религиозным центром Северо-

³ Н.М. Карамзин. История Государства Российского. Т. IV.

⁴ Д.А. Корсаков. Меря и Ростовское княжество. 1872.

Восточной Руси. Уход от политических волнений и споров способствовал культурному подъему Ростова. Та творческая роль, которую в Древней Руси брали на себя князья, переходит к ростовским иерархам. В центре города, рядом с доживающими свой век княжескими палатами, разрастается и обстраивается обширный двор церковных иерархов. Уже в 1212 году «Летопись о ростовских архиереях» упоминает о церкви, поставленной «на епископле дворе».⁵

Епископский двор находился в пределах теперешнего кремля, по всей вероятности, занимая его северную часть. Епископы строят и украшают ростовские церкви. В конце XIV века ростовские владыки уже именуются архиепископами. Московские цари, даже те из них, которые очень ревниво относились к славе и значению своей молодой столицы, не посягают на религиозное величие Ростова. Они приезжают в Ростов на богомолье, а в тревожные години скрываются здесь, в городе мира и тишины. Очень почитал Ростов Иван Грозный, посетивший его три раза, в 1545, 1553 и 1571 годах. Здесь он построил на свои средства церковь Исидора Блаженного, хорошо сохранившуюся до наших дней. В 1589 году ростовская епархия возводится на степень митрополии.

В Смутное время Ростов сильно пострадал. На него обрушились не столько сами поляки, сколько «воры переяславцы», граждане Переяславля-Залесского, предавшиеся полякам. Осажденные ростовцы вместе со своим митрополитом Филаретом заперлись в соборе, но неприятель ворвался в собор, устроил здесь бойню и взял в плен митрополита. После 1613 года «град Ростов скуден суще по разорении». Страшный упадок Ростова после Смутного времени констатируется многочисленными свидетельствами. В 1619 году Ростов все еще не избавился от послед-

⁵ Летопись о ростовских архиереях.

ствий Смутного времени; город «охудел», тяглые люди разбежались, а многие «ссечены», т.е. убиты.

В 1632 году вокруг города строится земляной вал, об уцелевших остатках которого говорилось выше. Русская жизнь возвращается медленно в свое обычное русло, и для Ростова наступает новая и последняя полоса расцвета. И в дальнейшем, чем сильнее порывает русская история связь с допетровской эпохой, тем в большее запущение приходит Ростов, несколько раз оказываясь на краю гибели: не раз его святыни и древности были предназначены к уничтожению. Только случайность или вовремя раздавшийся голос какого-нибудь фанатичного ценителя родной старины спасал это чудо русского творчества от разрушения!

Во второй половине XVII века в Ростове в продолжение нескольких десятилетий идут обширные работы по созданию кремля. Кроме того, строятся многочисленные церкви в городе, идут работы во всех ростовских монастырях. Всем этим строительством руководит ростовский митрополит Иона Сысоевич, одна из крупнейших и интереснейших личностей русского XVII века. Свое влияние и свои вкусы, шедшие вразрез с обычными приемами московского зодчества, митрополит Иона распространил на довольно обширную область. При многих ярославских церквях сохранились грамоты и клировые ведомости, из которых видно, что разрешение и благословение на постройку их получалось из Ростова Великого⁶. При таком положении дела возможность направлять церковное строительство у митрополита была значительная. Митрополит Иона, однако, не навязывает своих художественных вкусов, хотя сам, в своих многочисленных постройках, никогда не изменяет им. Громадные богатства ростовской митрополии давали полный простор для осуществления зодческих замыслов митрополитов. При архиерейском доме до учреждения

⁶ Труды VII археолог. съезда. Том III. 1887.

монастырского приказа насчитывалось до 16340 душ крестьян⁷. Такое богатство давало возможность содержать целые команды собственных мастеров и художников. Однако «мания строительства» не особенно владела ростовскими владыками: ею был одержим только Иона Сысоевич, друг и до некоторой степени сподвижник патриарха Никона, да его ближайшие преемники, не обладавшие его размахом и вкусом.

Широкое строительство митрополита Ионы интересно еще и тем, что в нем сказались не столько его личные качества и стремления, сколько властолюбивые идеалы русской церковной иерархии конца XVII века.

Биография Ионы Сысоевича не блещет никакими яркими фактами, позволяющими взглянуть в его душу. Вся деятельность его также не производит впечатления чего-то крупного, титанического: около пламенной фигуры Никона он кажется скромным, покорным и добродушным сельским попиком; но успокоиться на такой характеристике трудно: ей не хочется верить, потому что она оставляет необъяснимыми ту энергию и планомерность, с которой создавал Иона Ростовский кремль-крепость...

Думается, что незаметным он кажется благодаря той мужицкой хитрости, уклончивой пассивности, которая помогала ему балансировать между враждебными станами царя и патриарха!..

Иона родился около 1607 года у попа Сыся, верстах в 10 от Ростова, за озером Неро, в Воржской волости. Скудные биографические сведения, дошедшие до нас, оставляют неосвещенной его юность, годы учения и первые шаги его духовной карьеры. Известно только, что Иона был иноком угличского Воскресенского монастыря. Впоследствии, став ростовским митрополитом, он прежде всего вспомнил о приютившей его обители. Им выстроено украшаю-

⁷ А.А. Титов. Кремль Ростова Великого. М., 1905.

щее доселе Углич обширное и оригинальное здание монастыря, объединяющее в одной сложной группе несколько церквей, колокольню, трапезную, длинные переходы...⁸

Потом мы видим Иону архимандритом ростовского Белогостицкого монастыря, тоже впоследствии украшенного им. Затем — настоятелем ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря. В 1652 году патриарх Никон посвятил Иону Сысоевича в сан митрополита и назначил в Ростов. Митрополитом он был около сорока лет, скончался 20 декабря 1691 года и похоронен в Успенском соборе.

Иона был сторонником Никона в его реформаторской деятельности. Зная энергию ростовского митрополита, засвидетельствованную его напряженным строительством, приходится предположить, что он играл довольно заметную роль в наступившей борьбе. Он настойчиво посещает все соборы. На соборе 1653 года Иона открыто держит руку Никона. Он принимает участие в соборе 1654 года, рассматривавшем вопрос об исправлении священных книг и обрядов, а также в соборах 1656 и 1660 годов. Влиятельный и деятельный иерарх Иона, после патриарха Питирима, во время «между патриаршества» был «блюстителем патриаршаго престола».

В 1664 году самовольно вернулся в Москву патриарх Никон и вошел на рассвете в Успенский собор. Иона Сысоевич первый принял у него благословение. Назначенное следствие выяснило, что Иона испугался и в боязни не смел противиться Никону. Такому объяснению поверили, и Иона не понес кары, но нам, имеющим возможность видеть всю его жизнь, всю его деятельность, трудно поверить, в правдоподобие этого испуга!

Митрополит Иона создал весь Ростовский кремль с его многочисленными церквями, башнями, могучими стенами,

⁸ Культурные сокровища России. Вып. I. С. 85. М., 1912.

обширными палатами и переходами. Русские монастыри часто являлись и военными опорными пунктами, поэтому не удивительно, что в них встречаем приемы крепостного зодчества. Ростовский кремль, по общему виду напоминающий один огромный монастырь, чужд стратегических расчетов: в нем нет ни рвов, ни отводных стрельниц, ни решетчатых ворот. Скорее, это замок, символизирующий силу и власть его обитателей. Все эти башни и стены едва ли имели ввиду возможность вражеского нашествия; они возникали, чтобы своим величием подтвердить власть митрополита.

«Ростовский кремль... памятник церковной иерархии нашей, свидетель времен патриаршества, когда духовная власть в России стремилась к тому, чтобы облечься величавыми образами светской власти»⁹. Эта мысль С.П. Шевырева находит себе подтверждение в деятельности прочих русских иерархов конца XVII века: все они усиленно строят, причем на первый план выступает идея земной силы, сменившая жажду небесного благолепия. Пример подает сам Никон, выстроивший себе в Московском Кремле патриарший дом, по словам Павла Алеппского, превосходивший роскошью царский дворец, создавший под Москвой Новый Иерусалим, Воскресенский монастырь, превосходящий по размерам и богатству все дотоле существовавшие монастыри...

В «Летописи ростовских архиереев» перечислены постройки Ионы Сысоевича в кремле: «Воздвиг дом архиерейский и митрополичий двор оградил оградой каменной по городовому устройению с башнями, с бойницами и с зубцами, устроил двои ворота проезжая, третьи к соборной церкви. На тех вратах церковь Воскресения Христова каменная дивным устройением с папертьми, и в ней и в папертях стенным письмом подписаны, на других вратах к конюшенному двору церковь святого Иоанна Богослова

⁹ С.П. Шевырев. Поездка в Кириллов-Белозерский монастырь.

каменная же есть папертьми иным образцом, и в ней и в папертях стенным письмом подписаны. На сенях близь архиерейских келей церковь Всемилоствиваго Спаса, каменная же, над хлебнею особым дивным образцом и стенным письмом подписана. Подле архиерейскаго двора в другой каменной же ограде на углу, что называется Богословский монастырь, построена церковь каменная же на кладовых палатах во имя святого Григория Богослова, в том же монастыре три палаты жилых небольшие. У тех четырех церквей у всех колокольни каменные...»

«Архиерейския палаты – крестовая с кельями архиерейскими, столовая великая с отдаточною и палаты для пришествия государскаго, на жилых палатах, другая столовая великая же, подписаны стенным письмом...»

Почти все эти сооружения митрополита Ионы сохранились в целости, хотя и находились неоднократно под угрозой полного разрушения. Преемник Ионы – митрополит Иоасаф много строил в кремле, но от его созданий целиком сохранилась только пестрая одноглавая церковь Одигитрии Божьей Матери, стоящая на северной стене кремля, рядом с ионинской церковью Воскресения Христова. Иоасаф поставил «церковь каменную на палатах, теплую... в ней иконостас резной, золоченный, вельми изряден...» Эта церковь, хранящая отзвуки барочного вкуса, украшенная на католический лад скульптурными работами, врывается диссонансом в идеальную архитектурную гармонию кремля. Кроме нее Иоасаф построил «часобитню, что часы бьет, каменную...» Часобитня не уцелела. Последующие ростовские иерархи вносили в кремль незначительные поправки, приноровляли его гражданские здания к потребностям и вкусам своего времени, но, к счастью, не нашли в себе решимости основательно испортить его. И теперь среди тихого городка высится крепость молитвы, «твердыня веры», одно из грандиознейших на всем протяжении мировой истории человеческих произведений, отданных Богу!..

Время Ионы Сысоевича было последней вспышкой былого величия Ростова. Вскоре по его кончине Ростов лишается своего значения как религиозного центра, энергично разоряется и превращается в глухой захолустный городок. При Петре I ростовская митрополия была лишена своих громадных средств и угодий. Уже в 1707 году митрополит святой Дмитрий Ростовский жаловался на оскудение, «убог сый», и просил московского приятеля: «попроси чаю невеликое у благодетелей...»¹⁰. По распоряжению Петра I Ростов Великий был приписан к провинции Переяславля-Залесского и стал уездным городком Московской губернии. Наконец, в 1710 году – «митрополия пресечена бысть...»

История Ростова кончилась.

Единственными событиями теперь являются пожары, редкие посещения почетных гостей, чтущих по традиции разоренные святыни Ростова, да бесплодные попытки спасти разваливающийся кремль – гордость Ростова...

В июле 1730 года почти весь Ростов сгорает. Не пощадил огонь и кремля: обгорели церкви, выгорели тесно нагроможденные в его стенах деревянные постройки. В 1788 году, несмотря на недавнее посещение Ростова императрицей Екатериной II, кремль передается в распоряжение ярославского губернатора. Полуразвалившиеся церкви Григория Богослова и Иоанна Богослова предназначаются в сломку на кирпич, и только случайно остаются в живых...

В 1818 году возникает проект учредить в Ростове ярмарку, подобную нижегородской. Главный директор путей сообщения Бетанкур избирает местом для ярмарки кремль.

В 1840 году Красная палата, стоявшая невдалеке от уцелевшей Белой, была обращена в винный склад. Для удобства помещения стены, столпы и арки внутри ее были выломаны, стенная живопись уничтожена...

¹⁰ А.А. Титов. Кремль Ростова Великого. С. 36. М., 1905.

В 1860-х годах начинается реставрация кремля.

Сначала были освобождены от мусора и освящены кремлевские церкви, покрыты стены железной кровлей.

Первоначальная реставрация кремля и его церквей производилась местными силами, вооруженными горячей любовью к родным древностям, но незнакомыми с тонкостями научной реставрации. Великая заслуга этих радетелей русской старины в том, что они спасли от разрушения сокровища Ростова, поддержали на время, пока не явились средства и люди, способные вернуть кремлю его начальную красоту.

Систематическая научная реставрация начинается в 1880-х годах. Ее вдохновителями и руководителями явились два местных любителя-археолога: И.А. Шляков и А.А. Титов, автор многочисленных незаменимых трудов по истории Ростова. Ими под руководством ученых сил Московского археологического общества на средства, в обилии пожертвованные богатыми ростовскими гражданами, реставрированы все кремлевские церкви и палаты, приведены в первоначальный вид башни и стены.

Особенно много усилий пришлось приложить при восстановлении первоначального облика древних гражданских сооружений, сильно запущенных и отчасти искаженных позднейшими постройками. Смотря теперь на крепкие и красивые памятники древнерусского зодчества — Белую палату, занимаемую превосходным музеем русских древностей, Княжие терема, Ионинскую палатку, трудно представить себе, что не так давно здесь торчали одни только ободранные стены, развалившиеся своды...

По словам А.А. Титова, «от Белой палаты оставались одни, лишенные покрытия, с глубокими трещинами стены, с бесформенными окнами и дверными арками; оголенные верхние своды заросли кустами и рябинами, дававшими даже плоды...».

Теперь опасность разрушения миновала для Ростовского кремля. Он официально признан церковно-историческим памятником и управляется особой кремлевской комиссией. Замолкла жизнь в его старых стенах, но не ушли, не могут они уйти из жизни. Они нужны нам, как самый величественный памятник XVII века, рассказывающий о душах наших предков, о вере их, о творимой ими красоте. «Днесь светло красуется преславный град Ростов»¹¹ – поет церковь. И он должен красоваться вечно, пока жива русская культура, потому что с исчезновением Ростова из народной души будет вычеркнуто какое-то дорогое воспоминание, один из самых ярких и самых вдохновенных образов Руси!..

Ростов нельзя забыть безнаказанно, как нельзя забыть Пушкина, Глинку, Толстого: одно звено, выкинутое из золотой цепи народного творчества, способно перепутать и нарушить всю цепь!..

¹¹ Тропарь службы Владимирской иконе Успенского собора кремля.